

**Алексей Валерьевич
ШАПОШНИКОВ,**
доцент кафедры
конституционного
и муниципального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
председатель Московской
городской Думы,
кандидат юридических наук
predsedatel@duma.mos.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению вопроса о проблемах конституционализации применения цифровых технологий в политическом процессе. В роли теоретических основ проведенных изысканий послужили процессуальная концепция конституционализации, выработанная представителями школы российского конституционализма, конструкционистский подход к пониманию конституционализма, а также плюралистическая вариация теории функционального представительства, дополненная элементами теории рационального выбора Коулмена и теории общественного выбора Бьюкенена. Автор приходит к выводу, что ключевые проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе обусловлены отраслевой спецификой цифрового права. Высокая изменчивость предмета регулирования порождает ориентацию законодателя на использование реактивного подхода.

Ключевые слова: конституционализация, конституционализм, цифровые технологии, цифровое право, политический процесс, проблемы, перспективы

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.133.9.052-062

Alexey V. SHAPOSHNIKOV,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Chairman of the Moscow City Duma,
Cand. Sci. (Law)

predsedatel@duma.mos.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process

Abstract. The presented study is devoted to the study of the issue of the problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process. The procedural concept of constitutionalization developed by representatives of the school of Russian constitutionalism, the constructionist approach to understanding constitutionalism, as well as the pluralistic variation of the theory of functional representation, supplemented by elements of Coleman's theory of rational choice and Buchanan's theory of public choice served as theoretical foundations for the conducted research. The author concludes that the key problems of constitutionalization of the use of digital technologies in the political process are due to the industry specifics of digital

law. The high variability of the subject of regulation gives rise to the legislator's orientation towards the use of a reactive approach.

Keywords: *constitutionalization, constitutionalism, digital technologies, digital law, political process, problems, prospects*

Интерпретация понятия «конституционализация»

Приступая к освещению выбранной темы, в первую очередь необходимо затронуть вопрос об авторской интерпретации ключевых понятий, используемых в данном исследовании. Зачастую термин «конституционализация» подвергается истолкованию в узком смысле, с точки зрения этимологического подхода, за счет чего содержание данного понятия сводится к закреплению определенных положений в тексте основного закона и приданию им конституционной силы¹. Однако обращение к этимологическому подходу автоматически выводит за рамки предмета исследования такие вопросы, как решение проблемы согласования конституционной теории и практики, унификация правотворчества, правопонимания и правоприменения, согласование действующего законодательства и конституционных ценностей, приведение отраслевых норм права в соответствие с конституционными, а также конкретизация и расширение принципов, ценностей и норм конституции.

В представленном исследовании используется процессуальный подход к интерпретации указанного термина, сформулированный в работах Т. Я. Хабриевой, В. И. Крусса и В. В. Комаровой². Конкретнее автор обращается к интерпретации понятия «конституционализация» представителями научной школы российского конституционализма. Выбор в пользу данного варианта истолкования понятия обусловлен, с одной стороны, тем, что он носит комплексный характер. Последнее позволяет объединить сущностные элементы всех прочих подходов к интерпретации термина.

С другой стороны, избранный автором подход к интерпретации термина включает в себя положение о закреплении в конституции национальной модели конституционализма. Объем этого понятия охватывает все наиболее значимые для государства и социума общественные отношения, включая принципиально новые системы интеракций, порожденных технологическими изменениями.

¹ Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. ; Новосибирск : ЮКЭА, 2002. С. 153—154 ; Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. М., 2023. С. 32.

² Красс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 16 ; Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25—30 ; Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 33.

Последнее автоматически обеспечивает высокую релевантность обозначенного подхода задаче описания и анализа правовых отношений, возникающих в связи с внедрением цифровых технологий в политический процесс.

В соответствии с точкой зрения представителей школы российского конституционализма конституционализация представляет собой комплексный процесс, охватывающий одновременно юридификацию новых общественных отношений в рамках конституции, конкретизацию норм основного закона в структуре отраслевого законодательства и гармонизацию правопонимания и правоприменения на основе базовых принципов и ценностей конституции и ее национальной модели. Целью процесса конституционализации является выстраивание конституционализма³.

Термин «конституционализм» используется автором представленного исследования в рамках варианта интерпретации, предложенного представителями конструкционистского подхода, настаивавшими на необходимости включения в объем данного понятия как теоретико-правовой доктрины выстраивания демократического и справедливого государства, организованного на базе принципов соблюдения и должного обеспечения естественных прав человека, так и результатов ее реализации (О. Е. Кутафин, Н. А. Богданова, Л. В. Сониная)⁴. По справедливому замечанию В. В. Комаровой, построение конституционализма осуществляется посредством создания системы гарантий прав и свобод, а также обеспечения их конституционности и реализуемости благодаря закреплению соответствующих ценностей и ориентиров в конституции и подтверждению высшей ценности основного закона⁵.

К числу конечных объектов конституционализации в соответствии с избранным нами подходом относятся законодательство, общество и государство⁶. В качестве ключевых акторов процесса конституционализации выступают основные субъекты конституционно-правовых отношений. С учетом специфики выбранного нами подхода к интерпретации понятия «конституционализация» круг основных субъектов конституционно-правовых отношений включает в себя народ, человека (личность), государство и сформированные им субъекты и общество.

³ Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 35.

⁴ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 44 ; Богданова Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999. С. 135—138 ; Сониная Л. В. Конституционализм в Российской Федерации как политико-правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 11—17.

⁵ Комарова В. В. Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: XVIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XXI Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. С. 7—13.

⁶ Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина. С. 37.

Включение этих элементов в число основных субъектов конституционно-правовых отношений и процесса конституционализации обусловлено, с одной стороны, природой отрасли конституционного права, сформировавшейся в результате попыток урегулирования взаимоотношений между системой публичной власти, обществом и отдельно взятой личностью. С другой стороны, сказывается то обстоятельство, что народ выступает в качестве единственного источника власти, при помощи прямого волеизъявления делегирующего собственный суверенитет органам государственной власти, реализующим базовые конституционно-правовые функции на регулярной основе⁷.

Интерпретация понятия «политический процесс» и его связь с конституционализацией

Традиционные подходы, наиболее распространенные в политологии и социологии в ключе решения задачи концептуализации политического процесса (концепция функционального представительства, системный, структурно-функциональный, институциональный подходы и т.д.), подразумевают, что политический процесс достаточно слабо связан реализацией базовых принципов и ценностей конституции и обеспечением прав и свобод граждан в целом. Большинство исследователей сводят его суть, скорее, к обеспечению интересов отдельных общественных групп либо властных структур, в первую очередь — в рамках борьбы за доступ к материальным и властным ресурсам и контроль над процессом выработки и принятия решений⁸.

В данных обстоятельствах дальнейшее использование концепта «политический процесс» требует синтеза классических подходов к его интерпретации, сформулированных в рамках гуманитарных и общественных наук, с теоретическими представлениями о сущности конституционализации.

Как уже было указано ниже, «конституционализм» (построение которого является целью конституционализации) интерпретируется нами как комплексная категория, объединяющая теорию и построение демократического справедливого государства, организованного в соответствии с концепцией естественных прав человека, и сформированный в соответствии с ней государственный строй. Последнее позволяет рассматривать формирование данной системы государственного устройства в качестве конечной цели и политического процесса.

⁷ Комарова В. В. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития. М., 2018. С. 51—52.

⁸ Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в. С. 630—634, 637—641; Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М., 2005. С. 53—55; Патрушев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 5—19; Almond G. A. Political Development. Essays in Heuristic Theory. Boston, 1970. P. 181—220; Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. New York, 1951. P. 21—22.

При этом наполнение политического процесса должно быть тождественно конституционализации. Однако обозначенные выше традиционные подходы чаще всего предполагают исключение из числа его акторов народа и отдельно взятого гражданина, которые являются субъектами конституционализации. С одной стороны, последнее обуславливает необходимость интерпретировать политический процесс с точки зрения такой вариации концепции функционального представительства, как плюрализм, наделяющий субъектностью государство, общество и народ, и в то же время признающий высокую степень политической автономии частного лица⁹.

С другой стороны, политический процесс следует рассматривать с учетом положений теоретических концепций, объясняющих индивидуальное и групповое политическое поведение, таких как теория рационального выбора Дж. Коулмана и теория общественного выбора Д. Бьюкенена. В соответствии с их базовыми положениями вовлеченные в структуру групп интересов люди чаще всего выстраивают свое поведение в соответствии с принципом рациональности, т.е. так или иначе руководствуются личными целями в порядке максимизации выгоды на основе адекватной оценки имеющихся ресурсов, пользы и издержек, а также наличия альтернативных решений. Групповые интересы начинают вытеснять частные лишь на макроуровне политического процесса, когда взаимодействовать между собой начинают именно крупные социальные группы, обменивающиеся ресурсами в формате передачи разнообразных прав и полномочий (путем формирования системы правовых норм и санкций, формализующих взаимодействие субъектов)¹⁰.

Последнее дает нам возможность включить в перечень субъектов политического процесса и отдельно взятого человека. За счет этого перечни субъектов конституционализации и политического процесса полностью совпадают. Это дает нам возможность расширить трактовку сущности политического процесса. Она не исчерпывается давлением различных групп на систему государственной власти с целью реализации собственных интересов, конкуренцией между группами интересов в рамках борьбы за доступ к ресурсам и контролем над процедурами выработки и принятия решений.

Конкуренция групп интересов, в силу их многочисленности, гетерогенности и неустойчивости, а также стремления частных лиц реализовать собственные интересы за счет доступа к коллективным ресурсам, включает в себя в качестве составных элементов и борьбу за реализацию прав личности, и в то же время — отстаивание консенсусных ценностей и интересов общества в целом, в том числе за счет сохранения исключительного правосубъектного статуса народа.

⁹ *Waarden F.* Dimensions and types of policy networks // *European Journal of Political Research*. 1992. №21. P. 39—40.

¹⁰ *Бьюкенен Дж.* Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор*. СПб. : Экономическая школа, 2004. Т. 4. С. 417—434 ; *Коулман Дж.* Введение социальной структуры в экономический анализ // *Экономическая социология*. Т. 10. № 3. С. 33—40.

В итоге мы можем рассматривать политический процесс (с точки зрения задачи построения конституционализма) как явление, связанное преимущественно с областью избирательного права, поскольку именно электоральные процедуры позволяют в демократическом обществе реализовать функции политического представительства и участия в борьбе за доступ к различным ресурсам, являясь основным форматом приобретения публичной власти легальным путем и наиболее общедоступной формой политического участия (в том числе через представительное правление) для граждан, малых и больших групп интересов. В то же время следует подчеркнуть, что политический процесс неразрывно связан и с использованием различных механизмов прямой демократии. Также важно отметить, что одними из ключевых составляющих политического процесса являются выработка, обеспечение и развитие гарантий соблюдения политических прав граждан.

В соответствии с позицией автора в рамках данной трактовки политического процесса можно выделить шесть основных направлений деятельности.

В их число входят:

- давление на систему государственной власти с целью реализации групповых интересов;
- конкуренция за доступ к ресурсам и контролем над процедурами выработки и принятия решений;
- борьба за сохранение, расширение и реализацию прав и интересов личности;
- отстаивание консенсусных ценностей и интересов общества в целом;
- сохранение исключительного правосубъектного статуса народа;
- гармонизация интересов групп влияния и их интеграция за счет выработки конвенциональных норм взаимодействия и обеспечения их правоприменения.

Каждое из перечисленных направлений связано с определенными формами конституционализации. Например, такому направлению деятельности в рамках политического процесса, как гармонизация интересов групп влияния и их интеграция за счет выработки конвенциональных норм взаимодействия и обеспечения их правоприменения, соответствуют две формы конституционализации: юридикация новых механизмов и процедур согласования интересов и конкретизация элементов отраслевого законодательства в плане усовершенствования механизмов и процедур гармонизации интересов заинтересованных групп и лиц.

Применение цифровых технологий в рамках политического процесса

Уточнив значение понятий «конституционализация» и «политический процесс», а также вскрыв взаимосвязь между ними, обратимся к вопросу о содержании понятия «цифровые технологии». На правовом уровне оно закреплено в ГОСТ Р 33.505-2003. Согласно его положениям, при помощи данного понятия обозначаются технологии, построенные на использовании электронно-вычислительной

аппаратуры с целью записи кодовых импульсов в рамках заданного алгоритма с определенной частотой¹¹.

В целом цифровые технологии, реально используемые в политическом процессе в России либо потенциально пригодные для этого, можно условно разделить на две группы на основании такого критерия, как степень институционализации.

К группе цифровых технологий с высокой степенью институционализации относятся базовые технологии автоматизации политических процедур, такие как система ГАС «Выборы», прочие тесно интегрированные с ней государственные автоматизированные информационные системы и привязанные к ним механизмы (платформы для дистанционного электронного голосования, механизмы для сбора подписей граждан в поддержку выдвижения кандидата посредством портала «Госуслуги», система «Мобильный избиратель» и модули автоматизированного приема и проверки подписных листов).

К группе цифровых технологий с низкой степенью институционализации относятся перспективные технологические решения, для которых на текущий момент фиксируется отсутствие проработанной нормативно-правовой базы регулирования их возможного использования в политическом процессе. В частности, к ним относятся цифровые технологии больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), квантовых сетей, систем распределенного реестра (блокчейн), интернета вещей и облачных и туманных вычислений.

Актуальные проблемы конституционализации использования цифровых технологий в политическом процессе

Проблемы использования цифровых технологий в политическом процессе в рамках совершенствования правовых основ электоральных процедур, применения механизмов прямой демократии и в целом организации политического процесса связаны в первую очередь с особенностями такой сравнительно недавно возникшей правовой отрасли, как цифровое право.

Современная правовая система объективно не способна достаточно оперативно реагировать на изменение цифровых технологий в силу аномально высоких темпов их совершенствования. Ситуацию усугубляет то, что соответствующие механизмы действия правовых норм утрачивают эффективность при условии дисфункциональности технических стандартов. Некоторые цифровые технологии, как, например, искусственный интеллект, не могут регулироваться только за счет правовых средств. Следствием этого стала необходимость формирования системы комплексного регулирования, выстроенного на основе учета специфики

¹¹ ГОСТ Р 33.505—2003: Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием // URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=otn&n=9052&dst=100049&demo=1> (дата обращения: 30.03.2025).

не только правовых, но и этических и технических аспектов, связанных с разработкой и применением цифровых технологий¹².

Зачастую законодательное регулирование и разработка цифровых технологий в России протекают в отсутствие четкого понимания роли и возможностей конкретных регуляторов. Имеет место фокусирование на заимствовании зарубежного опыта, без учета особенностей национальной системы и технологий правотворческого процесса¹³.

Равным образом правовое регулирование цифровизации политического процесса еще не обеспечено должным образом с точки зрения формирования научно-методической, организационной, идеологической, материально-технической, информационной и образовательной основ. Как результат, отраслевое законодательство развивается преимущественно в части регулирования использования отдельных цифровых технологий (хотя законодатель также уделяет внимание общим вопросам развития отрасли, таким как экспериментальные правовые режимы, вопросы идентификации и аутентификации и т.д.). Значимым недостатком системы регулирования цифровых технологий остаются и относительно низкая степень учета теории и методологии информатики, выстраивание регламентации вне контекста использования технико-юридического метода¹⁴.

О. С. Гринь и Л. А. Рейнгольд выделяют среди актуальных проблем развития цифрового права требование более высокого уровня формализации нормативных правовых актов (что обусловлено внедрением средств автоматизации на всех этапах жизненного цикла), а также необходимость наращивания их алгоритмизации и адаптивности для использования в рамках во все более «самостоятельной» цифровой среды. Также отмечается необходимость создания новых средств разработки, механизмов контроля и оценки эффективности нормативных правовых актов¹⁵.

Как отмечают А. А. Ефремов и А. В. Минбалеев, значительным препятствием для развития цифрового права служит широко распространенный среди российских юристов подход к пониманию специфики регулирования цифровых технологий. Его сущность заключается в признании того, что систему регулирования отношений в рамках разработки, внедрения и применения цифровых технологий следует выстраивать лишь после того, как начнется их использование и фактически проявятся угрозы, защиту от которых должны обеспечить изменение действующего законодательства либо принятие новых норм¹⁶.

¹² Минбалеев А. В. Основные направления трансформации правового регулирования под влиянием цифровых технологий // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. М., 2021. С. 265—278.

¹³ Минбалеев А. В. Указ. соч.

¹⁴ Минбалеев А. В. Указ. соч.

¹⁵ Гринь О. С., Рейнгольд Л. А., Рейнгольд Е. А., Соловьев А. В. Жизненный цикл правовой деятельности в условиях развития цифровых технологий // Информационные технологии и вычислительные системы. 2020. № 2. С. 10—20.

¹⁶ Минбалеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112—120.

Значимой проблемой остается и практика калькирования чисто технических норм при переносе терминов из области технического регулирования в собственно правовую область без учета возможности возникновения проблем в рамках дальнейшего правоприменения. Последнее приводит к тому, что значение перенесенных в законодательство терминов постоянно корректируется в связи с высокими темпами обновления информационных технологий и сопутствующим изменением их правового восприятия¹⁷.

Заключение

По мнению автора, аномально высокая скорость процесса развития цифровых технологий диктует необходимость перехода к превентивному регулированию соответствующих отношений, что требует в первую очередь тесного сопряжения правового и технического регулирования на основе использования технико-юридического метода, т.е. экстраполяции технических регуляторных механизмов и норм в новые модели регулирования отношений, возникающих в рамках цифровизации и цифрового перехода. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о механическом переносе технических понятий в нормативно-правовую базу, а об их заимствовании при условии предварительной адаптации к регуляторной среде с учетом специфики правил законодательной техники и особенностей формулирования определения правовых дефиниций¹⁸.

Однако необходимо подчеркнуть, что использование превентивного подхода к регулированию цифровых технологий предполагает повышенные требования к качеству разработки регулятивных моделей и реализации конкретных правовых решений, поскольку наличие значимых юридико-технических ошибок потенциально способно породить крупномасштабные негативные эффекты, дискредитирующие саму идею использования цифровых технологий в рамках политического процесса.

Особенности цифрового права обуславливают необходимость широкого использования специального (субординированного) регулирования. В первую очередь это проявляется посредством активного использования механизма экспериментальных правовых режимов («правовой песочницы»). Его использование дает возможность вводить специальное правовое регулирование по отношению к действующим нормам, включая закрепленные на уровне федеральных законов. Применение данного механизма отчасти противоречит базовым принципам и подходам правовой системы РФ, однако возникновение упомянутых противоречий можно считать неизбежным в силу наличия указанных выше особенностей цифрового права.

В пользу необходимости соответствующих мер говорит, например, опыт правового регулирования квантовых коммуникаций или квантовых сетей. Последние еще не получили четкого определения в рамках российского законодательства. Более того, сам механизм правового регулирования их применения в сфере

¹⁷ Минбалеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Указ. соч.

¹⁸ Минбалеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Указ. соч.

публичной политики в настоящее время лишь разрабатывается. Имеют место лишь попытки его апробации, ориентированные на внедрение технологий в обеспечение политического процесса без избыточных административных процедур (но при условии соблюдения необходимых мер безопасности и контроля со стороны профильных государственных органов). Фактически речь идет именно об использовании экспериментальных правовых режимов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бентли А.* Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. — М., 2012.
2. *Богданова Н. А.* Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения. — М., 1999. — С. 135—138.
3. *Бьюкенен Дж.* Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. — СПб., 2004. — Т. 4. — С. 417—434.
4. *Гринь О. С., Рейнгольд Л. А., Рейнгольд Е. А., Соловьев А. В.* Жизненный цикл правовой деятельности в условиях развития цифровых технологий // Информационные технологии и вычислительные системы. — 2020. — № 2. — С. 10—20.
5. *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. — М., 1997. — Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в.
6. *Комарова В. В.* Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: XVIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), XXI Ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ) : в 5 ч. — М., 2021. — Ч. 2. — С. 7—13.
7. *Комарова В. В.* Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития. — М., 2018.
8. Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. — М., 2023.
9. *Коулман Дж.* Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10. — № 3. — С. 33—40.
10. *Кравец И. А.* Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М. ; Новосибирск : ЮКЭА, 2002.
11. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008.
12. *Крусс В. И.* Конституционализация права: основы теории : монография. — М. : Норма ; Инфра-М, 2016. — 240 с.

14. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. — М., 2005. — С. 53—55.
15. Минбалеев А. В. Основные направления трансформации правового регулирования под влиянием цифровых технологий // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. — М., 2021. — С. 265—278.
16. Минбалеев А. В., Ефремов А. А., Добробаба М. Б., Чубукова С. Г. Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества // Информационное общество. — 2024. — № 4. — С. 112—120.
17. Патрушев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. — 2009. — № 3. — С. 5—19.
18. Сонина Л. В. Конституционализм в Российской Федерации как политико-правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001.
19. Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. — 2013. — № 6. — С. 25—30.
20. Almond G. A. Political Development. Essays in Heuristic Theory. — Boston, 1970.
21. Truman D. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. — New York, 1951.
22. Waarden F. Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. — 1992. — № 21. — P. 29—52.